

УДК 94 (470) "1900/1914"

Кукиль Н.В.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

**ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

N. Kukil

Lomonosov Moscow State University

**INFLUENCE OF ECONOMIC FACTORS ON THE RUSSIAN
RULING ELITE'S POLITICAL DECISION-MAKING CONCERNING
GERMANY ON THE EVE OF WORLD WAR I**

Аннотация. В настоящей статье отражена проблематика влияния экономических факторов на разработку политики России в отношении Германии в преддверии Первой мировой войны. Особое внимание уделено динамике развития торгово-экономических связей между Российской и Германской империями в указанный период. Автором рассмотрены стратегически важные отрасли российской и германской промышленности, а также результаты действия русско-германских торговых договоров, заключенных в 1894 и 1904 гг. Анализ подобранной источниковой базы позволил выявить сильные и слабые стороны экономических систем России и Германии.

Ключевые слова: экономическая стратегия, Германская империя, экономическое развитие, политическая элита, внешняя торговля.

Abstract. The article reveals the problems of economic factors influence on the development of the Russian policy in relation to Germany on the threshold of World War I. Special attention is given to the dynamics of trade development and economic relations of Russia and German empire within the mentioned period. The author considers strategically important branches of industry in Russian and Germany, and the results of the Russian-German trading contracts signed in 1894 and 1904. The analysis of sources allowed to reveal the advantages and disadvantages of the economic systems of Russia and Germany.

Key words: economic strategy, German Empire, economic development, political elite, foreign trade.

Изучение экономических условий и факторов российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX-XX вв. является прямой необходимостью при объективном выявлении причин как тесного сотрудничества между обеими монархиями, так и резкого антагонизма между ними, который имел место в это время. Указанная научная проблема может быть раскрыта в полном объеме лишь при использовании широкого комплекса опубликованных и неопубликованных источников, поэтому настоящая статья предполагает освещение лишь отдельных фрагментов экономической проблематики. Стоит отметить, что даже фрагментарный анализ документов экономического характера позволяет указать на влияние российско-германского экономического взаимодействия на выработку и принятие политических решений представителями российской правящей элиты в отношении кайзеровской Германии.

Николай II и его окружение, учитывая быстро меняющиеся международные реалии, вынуждены были ориентироваться на германский опыт создания эффективно функционирующего хозяйства, обращая внимание на достигнутые немцами темпы экономического роста, достаточно устойчивые по отношению к кризисам. Быстрое наращивание германской воен-

ной мощи обеспечивалось более совершенной, чем у России, экономической моделью, ориентированной не на вывоз сырьевых ресурсов, а на широкое, даже по меркам рассматриваемого исторического периода, внедрение в производство последних достижений во всех областях науки и техники. Это обстоятельство было сигналом к более активным действиям со стороны российского руководства по модернизации всей системы социально-экономических отношений [3, с. 45].

С.Ю. Витте, будучи министром финансов и видным экономистом, всеподданнейше докладывал императору Николаю II в 1898 г. о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. Руководствуясь сомнительным тезисом о том, что протекционистский тариф 1891 г. не приносил желаемой пользы для российской внешней торговли, Витте счел необходимым сформулировать в своем докладе императору следующую мысль: «...Таможенный тариф 1891 г. был благодетельной мерой только потому, что он предполагал следующие торговые договоры и приток иностранных капиталов, и нельзя устранить эти логические его последствия иначе, как рискуя превратить и первоначальную меру во вредную для народного благосостояния»¹. Далее он продолжает доказывать правильность своей внешнеэкономической доктрины: «Мы должны будем тогда настаивать перед странами, покупающими наши сельскохозяйственные произведения, на установлении для этих продуктов пониженных пошлин, и в этом интересы нашего земледелия снова и, может быть, с ещё большей остротой, нежели в пору памятной таможенной войны с Германией в 1893-1894 гг., столкнутся с интересами местного земледелия государств, с коими нужно будет заключать договоры»².

Приведенные высказывания из доклада Витте демонстрируют не только его собственные экономические взгляды, но и отражают

проводившуюся государственную политику России в отношении Германии в торгово-экономическом плане, причем Николай II, как и его отец Александр III, предоставил большой кредит доверия С.Ю. Витте, находившемуся на посту министра финансов в течение 12 лет.

Стоит учесть, что по инициативе Витте, занявшего пост министра финансов Российской империи ещё в 1892 г., в Берлине 10 февраля 1894 г. был заключен русско-германский торговый договор, который, как показала дальнейшая практика, гарантировал ряд преференций Германии, в то время как российские торговые и экономические круги, имевшие по договору равноправное положение с германскими, реально могли рассчитывать на меньшие выгоды [9, с. 11]. Россия, отказавшись, под давлением кайзеровской Германии, от автономного таможенного тарифа, согласно договору, заключенному в Берлине в 1894 г., попадала в зависимость от германского экспорта, так как российские товары при понижении таможенных пошлин утрачивали конкурентоспособность по отношению к ввозимым в страну произведениям более развитого и совершенного немецкого промышленного сектора [8, с. 33].

Русско-германский торговый договор 1904 г. закреплял неравноправное по отношению к Германии экономическое и таможенное положение России, которая вынуждена была подписать данный договор под давлением неблагоприятных внешнеполитических факторов: к тому времени уже начались боевые действия против японцев на Дальнем Востоке, не сопровождавшиеся успехом, и западная граница империи оказалась временно незащищенной. Историк Ю.И. Казанцев приводит в своей публикации «Международные отношения и внешняя политика России (XX век)» следующий пример: «...Когда на Дальний Восток была направлена из Балтики эскадра адмирала Рожественского, то германское правительство дозволило своим судовладельцам снабжать русские суда в пути своим углем...» [2, с. 55]. Допустимо предположить, что российское руководство не могло возлагать большие надежды на принципы монар-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 10.

хической солидарности в отношениях с Германией, когда речь заходила о безудержном стремлении германского монополистического капитала к увеличению прибылей. Активность российских торгово-промышленных кругов в сношениях с германской стороной была направлена на преодоление сравнительно низкой конкурентоспособности отечественных товаров. Тезис о том, что Германия воспользовалась временной слабостью России для навязывания ей неравноправного торгового договора 1904 г., обосновал также известный историк-германист Б.М. Туполев [10, с. 22].

Вопросы и проблемы, касающиеся взаимной заинтересованности в активных торговых контактах, играли важную роль также при встречах на высшем уровне между Николаем II и Вильгельмом II. Заметим, что от их решения зависело продолжение дипломатических контактов в форме, приемлемой для обоих государств. Мнение о том, что обсуждение дипломатических аспектов российско-германских отношений находилось в прямой зависимости от их торгово-экономической составляющей, высказано и обосновано в работах Е.В. Низаловой и Г.А. Хидоятова [5; 11]. Эти авторы приходят к закономерному выводу о нерешенности, в преддверии Первой мировой войны, ряда дипломатических вопросов между Россией и Германией, из-за частого взаимного отказа представителей этих государств делать необходимые для перспективы сохранения добрососедских отношений уступки в экономической сфере.

Чтобы в полной мере представить себе динамику бурного экономического развития кайзеровской Германии, с которым приходилось считаться и германофилам, и германофобам в российском руководстве, нужно обратиться к такому важному источнику, как донесение агента министерства торговли и промышленности в Берлине об экономическо-финансовом положении Германии от 19 июля (1 августа) 1913 г., т. е. ровно за год до начала Первой мировой войны.

Согласно обозначенному подробному донесению, германская экономика к середине

1913 г. продолжала переживать стадию динамичного роста, причем особенно ярко его проявлял реальный экономический сектор, в то время как финансовый капитал кайзеровской Германии традиционно уступал по своим показателям промышленному¹. Германия в преддверии Первой мировой войны была способна продемонстрировать сравнительно высокие для капиталистической экономики темпы роста, что вызывало оправданную обеспокоенность у российского руководства [8, с. 63]. Завершившаяся ещё в период канцлерства Отто фон Бисмарка эпоха грюндерства предоставила немецкой буржуазии уникальную возможность добиваться быстрого наращивания материальных благ, организации наиболее эффективных методов производства в короткий временной промежуток, так как процесс накопления первоначального капитала протекал весьма успешно, сумев в полной мере раскрыть огромный германский экономический потенциал.

В донесении действовавшего в Берлине агента министерства торговли и промышленности дана характеристика отдельным отраслям германской промышленности по состоянию на июнь 1913 г. Наблюдались бесспорные успехи в добывающем секторе. Министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву было доложено из Берлина: «...Положение каменноугольной промышленности было по-прежнему благоприятным. Добыча каменного угля достигла необыкновенно высокой цифры в 15,93 млн. тонн против 13,89 млн. тонн в прошлом году, точно также замечается увеличение добычи бурого угля, производства кокса и брикетов...»². Тимашеву, в точности предававшему эту информацию министру иностранных дел А.П. Извольскому и брату Николая II великому князю Михаилу Александровичу, было совершенно ясно, что указанные агентом количественные данные говорят о достаточной обеспеченности Германии каменным углем и продуктами его переработки, эффективно применявшимися практичными немцами в тяжелой индустрии,

¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

по развитости которой русские не могли в то время превзойти немцев. Далее в донесении упоминается, что «...за всё полугодие добыча каменного угля достигла рекордной цифры в 93,58 млн. тонн, которая более чем на 10 % выше прошлогодней цифры...»¹. Эти сведения доказывают наличие безусловных успехов у германской тяжелой промышленности в преддверии предполагавшихся военных действий против России.

Применительно к развитию германской металлургии в 1913 г. стоит отметить, что её высокий уровень поддерживался за счет крупномасштабного строительства железных дорог, и это подтверждается сообщением Франкфуртской газеты, одного из важнейших печатных органов тогдашней Германии: «...Благодаря заказам казны на рельсы наша крупная промышленность легче перенесет понижение конъюнктуры»². Тимашеву также докладывали о том, что «...если же в общем производстве стального синдиката по всем продуктам имелось, тем не менее, на 70000 тонн выше, чем в прошлом году, то это объясняется исключительно большими заказами железнодорожных материалов со стороны прусских казенных железных дорог...»³. Это означает, что строительство железнодорожных путей являлось одной из важнейших задач экономического и стратегического характера, которую ставили перед собой представители германского руководства. Железные дороги не только обеспечивали быструю доставку грузов различного назначения в любую точку страны, но и гарантировали территориальное единство Германии в случае её участия в большой войне. Благодаря широкому использованию разветвленной сети железных дорог имелась возможность быстрого подавления при помощи доставленных войск национальных волнений не только в польских землях, но и в Эльзасе, Сааре и Лотарингии.

Необходимо отметить, что кайзеровская Германия, широко используя крупный ка-

менноугольный Силезский бассейн, имела возможность экспортировать качественный уголь в Россию, Австро-Венгрию и Привисленский край, представлявший собой российскую часть разделенной Польши, находившуюся в непосредственной близости от немецкой части Силезии⁴. Российская добывающая промышленность в указанное время по рентабельности и окупаемости отставала от германской, поэтому наиболее преуспевающим фабрикам и заводам, расположенным вдоль западных границ Российской империи, было выгоднее закупать германский уголь, чтобы не оплачивать огромные транспортные расходы за доставку сырья, в частности, из Юзовки – одного из старейших и наиболее продуктивных российских угленосных районов [6, с. 86].

Все вышеперечисленные количественные и качественные показатели германской экономики, с учетом российского уровня развития обозначенных отраслей промышленности, дают возможность четко зафиксировать тот факт, что так называемая таможенная война между Германией и Россией наносила примерно одинаковый экономический ущерб обеим странам. Н.И. Копычев, будучи специалистом по истории российско-германских торгово-экономических связей, считал, что именно канцлер Бернхард фон Бюлов начал таможенную войну с Россией, руководствуясь заданием кайзера Вильгельма II, чтобы поддержать германский аграрный сектор, но это негативно отразилось на потребителях российской сельскохозяйственной продукции [11, с. 56].

Рассматривая состояние российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX-XX вв., стоит уделить большое внимание росту значения внешнеэкономических факторов, от которых зависела не только выработка российскими правящими кругами политики по отношению к Германии, но и принимаемые ими попытки решения стратегических проблем.

Граф Муравьев выражал некоторые замечания по поводу общеевропейской по-

¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5-6.

² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6-7.

³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

литической ситуации в секретном письме из Петербурга российскому посланнику и полномочному представителю в Берлине Остен-Сакену. Муравьев писал 4 мая 1900 г.: «...Французский министр иностранных дел, между прочим, затронул в беседе с нашим послом в Париже и вопрос о всё более угрожающем развитии торгового значения Германии»¹. Так как Россия получала французские займы и в финансовом отношении была зависима от Третьей республики, то российский дипломатический корпус вынужден был лавировать, всячески демонстрируя свою полную и безусловную приверженность принципам франко-русского союза. Также Муравьевым было отмечено, что «...исходя из того соображения, что экономические интересы начинают брать верх в настоящее время над политическими и что обладание Германией Триестом или каким-либо участком Адриатического побережья может изменить в корне теперешнее значение Средиземного моря, мы, конечно, не могли бы оставаться равнодушными к столь широким замыслам германского правительства и должны были бы в таком случае озаботиться соответствующим обеспечением наших интересов...»². Данное высказывание доказывает, что любой внутри- и внешнеполитический шаг не только России, но и Германии диктовался преимущественно экономическими соображениями. При этом монархическая солидарность и взаимные обещания в вечной дружбе, которые давались Николаем II и Вильгельмом II на высшем уровне, могли иметь реальную силу, когда интересы обеих держав совпадали.

Российская империя прилагала усилия, чтобы извлечь максимальную выгоду от прокладки Дунайско-Адриатической железной дороги, что являлось интернациональным предприятием. Эта мера должна рассматриваться, в первую очередь, в качестве стратегической и упредительной в отношении немецкого капитала, хотя российские финансисты имели активы в этом грандиозном проекте, который потенциально мог принести боль-

шие прибыли. Ответом Германии в этом экономическом противостоянии со странами Антанты и их союзниками было строительство Багдадской железной дороги [1, с. 32].

Май 1908 г. был ознаменован весьма сложными переговорами о строительстве этой дороги, которые проходили в Париже и увенчались большим успехом для российской дипломатической миссии. Об этом докладывал в своей депеше от 29 мая (11 июня) 1908 г. российский посол в Париже Александр Иванович Нелидов³. Будучи опытным дипломатом, Нелидов оправдывал доверие А.П. Извольского и Николая II, поэтому ему поручали особо секретные задания по налаживанию и последующей интенсификации контактов со странами Антанты, одним из которых было достижение договоренности о строительстве, а также будущей эксплуатации такого дорогостоящего интернационального объекта, как Дунайско-Адриатическая железная дорога [4, с. 62].

А.И. Нелидов писал в вышеупомянутой депеше о том, что «...из последовательных телеграмм моих Ваше Высокопревосходительство изволили осведомиться об удовлетворительном заключении переговоров, происходивших между участниками синдиката, который должен образоваться для постройки Дунайско-Адриатической железной дороги... камергер Вышнеградский, несомненно, доложил уже лично господину министру финансов обо всех подробностях состоявшихся соглашений и представил желаемые цифровые данные...»⁴. Цитируемый документ доказывает особую важность постройки этой дороги для представителей российских властных структур: участие России в соответствующем проекте должно было дополнительно продемонстрировать Германии её великодержавный статус.

Предоставление министру финансов Владимиру Николаевичу Коковцову на рассмотрение подробностей характера и назначения строительных работ, а также прилагаемых к ним цифровых данных означало серьезность

¹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 51.

² ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 51.

³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48. Л. 6-7.

российских намерений и особую заинтересованность в финансировании Дунайско-Адриатической железной дороги, от которой ожидалась максимальная экономическая польза, с одной стороны, и последовательное укрепление международного престижа Российской империи, с другой. На основании данных, предоставленных А.И. Нелидовым, допустимо предположить, что равноправное участие России в финансировании, проектировании и строительстве указанной дороги, пролежавшей через территорию дружественной Сербии, не затрагивая владений Австро-Венгрии, было ощутимым дипломатическим и особенно экономическим успехом [7, с. 98].

Анализируя данные, содержащиеся в вышеупомянутых источниках и научных публикациях, необходимо подвести некоторые итоги и сформулировать ряд выводов. Во-первых, российское руководство было осведомлено о темпах экономического роста, наблюдавшегося в кайзеровской Германии в конце XIX – начале XX вв. Во-вторых, ему были известны высокие количественные и качественные показатели, которые демонстрировала германская экономика, а также её отраслевой состав. В-третьих, вопросы внешней торговли в указанный период в обязательном порядке означали для России наличие германского фактора, так как Германия была не только традиционным партнером, но и сильным конкурентом как в аграрном, так и в промышленном секторе. В-четвертых, российская экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но в то же время она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом, поэтому власть вынуждена была искать пути к улаживанию часто возникавших дипломатических осложнений и с Францией, и с Германией. В-пятых, торгово-экономические связи с кайзеровской Германией оказывали непосредственное воздействие на принятие

соответствующих политических решений в отношении этого государства: представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими великими державами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война. 1912-1913 гг. – М.: «Наука». 1969. – 393 с.
2. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). – Ростов-на-Дону: Феникс. 2002. – 350 с.
3. Матвеева А.Г. Германская империя. 1870-1914. – М.: ИВИ РАН, СГУ, 2003. – 162 с.
4. Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914-1918 гг. – М.: Госполитиздат, 1940. – 296 с.
5. Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896-1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена] – СПб.: 2007. – 223 с.
6. Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства / Пер. с нем. Б. Жуховецкого, Ф. Ройтенберга, Э. Халифмана. Вступит. статья Г. Беспалова. – М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры. 1948. – 294 с.
7. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII - начале XX вв. – СПб.: Юрид. центр прессы. 2002. – 273 с.
8. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в.-1914 г.). – М.: ИРИ, 1996. – 271 с.
9. Тарле Е.В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814-1919. – Ленинград: Прибой, 1927. – 199 с.
10. Туполев Б.М. Монополистический капитал и экспансия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник германской истории. 1978. – М.: 1979. – С. 227-255.
11. Ученые записки. Вып. 19: Общественные и исторические науки / М-во просвещения РСФСР. – Псков: [б. и.], 1964. – 289 с.